

# АЛБИНА НУРИ

НАСЛЕДНИЦА

За пределом реальности

Альбина Нури

**Наследница**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

## **Нури А.**

Наследница / А. Нури — «Автор», 2017 — (За пределом реальности)

ISBN 978-5-699-98653-8

Пока не начался этот кошмар, Вера смело строила планы и считала себя счастливой: крепкая семья, любимый муж, хорошая работа. Застав Марата с другой женщиной, она решила уйти из их общей квартиры и поселиться в деревенском доме, доставшемся в наследство от деда, которого Вера никогда не знала. Приехав в Корчи, девушка увидела, что в крохотной деревеньке всего несколько домов, а ее появление почему-то испугало местных жителей. Вскоре Вера узнала, что дом окутывают мрачные тайны, а жизнь всех прежних владельцев кончилась трагически. Вера не верит в легенды, к тому же дом кажется ей уютным, словно бы только что построенным и выполняющим желания новой хозяйки. Лишь когда начали умирать близкие, Вера осознала, что нужно срочно уезжать из деревни, отказавшись от наследства. Но уже слишком поздно: обитающая в доме сила хочет забрать нечто больше, чем просто Верину жизнь. Книга также издавалась под названием «Отмеченная судьбой».

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98653-8

© Нури А., 2017  
© Автор, 2017

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# Альбина Нури

## Наследница

### Глава 1

В пятницу Вера пришла домой раньше обычного и открыла дверь своим ключом. Вернулась как раз вовремя, чтобы застать своего мужа Марата и соседку Аську в самой недвусмысленной позе. Так они втроем и застыли: Вера с ключами в руке у входной двери, Марат на диване и едва одетая Аська на Марате.

Муж молчал. А что тут скажешь?

Вера тоже не сумела выдать ни слова. Прямо в обуви прошла на кухню, захлопнула за собой дверь, швырнула на стол сумку и упала на табурет возле окна. Сердце колотилось, не давая вздохнуть, в голове гудело, ладони были ледяные и влажные. Хотелось выскочить из дома и бежать отсюда куда подальше, но она не могла. Не было сил.

Вдобавок в коридоре мыла полы соседка – Лидия Адольфовна, которая почему-то недолюбливала Веру и к тому же обожала почесать языком. Если она сейчас выбежит из квартиры, та сразу сообразит – что-то неладно, и немедленно разнесет новость по всему дому. Только пересудов сейчас и не хватало.

Хотя в их доме и без стараний Лидии Адольфовны трудно скрыть что-либо. Это была малосемейка, построенная в семидесятых, с лязгающим, вечно ломающимся лифтом, длинными темными коридорами и дверями по обе стороны. Жили здесь, как в аквариуме, на виду у соседей. Ругаться, мириться, любить и ненавидеть следовало по возможности тихо, чтобы не информировать невольных зрителей и слушателей о подробностях личной жизни.

К сожалению, это мало кому удавалось. Железные двери, которые ставили некоторые жильцы в надежде спрятаться от чужих глаз, не спасали: стены-то все равно картонные.

Квартирки в доме имелись только однокомнатные, но зато двух видов – большие и маленькие. Те, кому повезло жить в «больших», шиковали на шестнадцати квадратах. Прочие, в том числе и Вера с Маратом, довольствовались одиннадцатью. Плюс кухня, коридор в виде крохотного пятачка и совмещенный санузел.

Квартира просматривалась сразу и навывлет. У Веры просто не было шансов не заметить своего блудного мужа с Аской. Вошел в квартиру, не слишком широко шагнул вперед – уперся носом в перегородку между кухней и комнатой, а плечом – в дверь туалета с ванной. Повел глазами влево – кухня, вправо – комната. Вот и все хоромы.

Но и этому жилищу они с Маратом радовались – свое, не съемное! Мечтали о большем, строили планы по расширению. И продолжали бы мечтать, строить и радоваться, если бы не сегодняшняя сцена. Нелепая случайность, из которых, если подумать, и состоит жизнь.

Сегодня в библиотеке, где работала Вера, закончилась проверка фонда. Длилась она всю неделю и, слава богу, осталась позади. За эти дни девушка вымоталась до предела, застревала на работе на два, а то и три часа сверхурочно, но кто эти часы считает? Заплатят обычный минимум, даже премии не жди.

Однако о грустном не думалось.

Во-первых, по случаю завершения проверки сотрудников отпустили пораньше. Скоро, думала Вера, спеша с работы, должен вернуться Марат. Можно сходить куда-нибудь. Или просто посидеть вдвоем дома, расслабиться, выпить вина, скачать с Интернета какой-нибудь фильм.

Во-вторых, с понедельника у нее начинался очередной отпуск. Муж тоже взял две недели, и они мечтали рвануть к морю.

В-третьих, в потайном карманчике сумки лежали немалые деньги. Восемнадцать с лишним тысяч отпускных, да еще Аня долг отдала, а ведь держала без малого год. Итого двадцать восемь – огромная сумма по меркам Веры.

Жизнь была прекрасна и удивительна. Самая лучшая, самая светлая пора – конец весны, начало лета. Выходя из лифта, Вера улыбалась в предвкушении приятного вечера. Кто ж знал, что ее ожидало дома!

Она сидела на табурете и смотрела перед собой невидящим взглядом. Хотелось заплакать, но почему-то не получалось. За закрытой дверью кухни слышались возня и нервные перешептывания. Один раз что-то с глухим стуком упало, Марат споткнулся о ножку дивана и громко чертыхнулся. Наконец дверь за Аськой захлопнулась.

Марат зачем-то метнулся в ванную, включил воду, через минуту выключил ее и снова вернулся в коридор. Потоптавшись в прихожей, видимо, сообразил, что Вера отлично видит его через прозрачную кухонную дверь и вошел.

– Вер... Как-то глупо все...

Он мучился, оттого что не знал, как выбраться из неприятной ситуации. Ждать, когда муж сформулирует свою мысль, Вера не стала. Рывком поднялась со стула и шагнула к двери, оттеснив Марата в сторону.

На миг в большом зеркале прихожей мелькнуло их общее отражение.

Им часто говорили, что они похожи, как брат с сестрой: темноволосые, темноглазые, худощавые и тонкокостные, почти одного роста – Вере до метра семидесяти не хватало трех сантиметров, а Марат на сантиметр перерос этот рубеж.

– Вер, – опять затыкнул муж, пряча глаза, – ты же знаешь, как я к тебе отношусь...

Она, не оборачиваясь, бросила:

– Да, Марат, теперь точно знаю, – вышла из квартиры и пошла по коридору к лифту.

Справа открылась коричневая дверь, пахло густым ароматом мясного варева. За дверью проживала «тихая» таджикская семья из двенадцати человек. Интересно, как они там помещаются, всегда недоумевала Вера. Может, спят и едят по очереди? Сейчас из квартиры дружным роем выкатывались один за другим разнокалиберные дети от трех до шестнадцати, круглоголовые, черноволосые, черноглазые и горластые. Самого маленького мать несла на руках. Вся эта гвардия вознамерилась забраться в лифт, так что Вера сочла за лучшее спуститься пешком.

Она быстро шла вниз по лестнице. Один пролет, другой, третий... Нельзя сказать, что поступок Марата разрушил ее идеалы и погряз веру в людей. Конечно, Вера продолжала, несмотря на близость тридцатилетия, верить в любовь. И считать, что любит своего мужа, пусть не так пылко и исступленно, как в романах, но все же достаточно, чтобы оставаться вместе и получать от этого удовольствие.

Однако прожив двадцать два года в общежитии швейников, потом два года мыкаясь по съемным квартирам, а последние три проведя в малосемейке на улице Северной, трудно удерживать на носу розовые очки. Волей-неволей приходится замечать вещи, о которых не пишут в классической литературе.

Остается либо принять жизнь во всей ее красе и безобразии, либо решительно противопоставить себя ей. Вера не была ни идеалисткой, ни революционеркой, поэтому предпочла первое.

Умом она сознавала, что Марат, возможно, изредка погуливает на стороне, хотя особых поводов сомневаться в своей верности муж не давал. Так, кое-какие штришки и приметы, на основании которых, если очень постараться, можно сделать далеко идущие выводы. Но стараться и разоблачать Марата Вера не стремилась. Она наивно принимала тезис о полигамности мужчин, полагая, что против природы не пойдешь. И вместе с тем умудрялась вполне искренне

верить, что Марат любит ее и они всегда будут вместе. Вот такая двойная философия! Мелкие же интрижки, если они и есть (*а может, ничего такого и нет!*), не навредят их отношениям.

У Веры не было других родственников, кроме мужа. И свое будущее она видела только совместным с Маратом: общий дом, общие дети, поездки, интересы, желания, старость.

Его предательство, да еще такое явное, не оставляющее сомнений, не дающее даже крохотной надежды, что все неверно истолковано, выбило почву из-под ног. В глубине души она понимала, что жалеет о вскрывшейся правде. И презирала себя за собственное малодушие.

Недавняя сцена поставила обоих в затруднительное положение. Теперь у Марата нет шансов половчее соврать, а у Веры не получится сделать вид, что ничего особенного не случилось. Больно, обидно и совершенно ясно, что жить, как раньше, не получится.

На первом этаже, проходя мимо почтовых ящиков, она заметила, что в их ящичке что-то белеет. Газет они не выписывали, писем не получали. Это не мог быть рекламный мусор: в остальных ящиках, большей частью не запертых, было пусто, а рекламу обычно раскладывали всем.

Она, будто взломщик, попыталась открыть ящик без помощи ключа. Вскоре все получилось, и в руках у нее оказался официального вида конверт с письмом на имя Веры Владимировны Андреевой.

«Может, что-то выиграла?» – глупо подумала она.

Но в конверте оказалось совсем другое.

Администрация Владимирского района повторно уведомляла гражданку Андрееву о необходимости лично явиться и оформить необходимые документы для вступления в права собственности на землю и дом в деревне Корчи, а также оплатить сборы и долги в фонд сельского поселения.

Повторно – это потому, что пару лет назад Веру уже ставили в известность: со смертью бабушки по отцовской линии она является единственной наследницей имущества. Старик умер, не оставив завещания, и дочь его единственного (ныне покойного) сына, наследовала все по закону.

Большого значения этому девушка тогда не придавала. Дело в том, что после смерти Веринного отца мать не общалась с родственниками мужа. Прервала всяческие контакты, даже на Новый год не поздравляла. А поскольку овдовела, когда дочь была совсем крошкой, то ни бабушки, ни бабушки Вера никогда в глаза не видела.

Кроме того, мать буквально заклинала ее ничего от них не принимать, о наследстве забыть и в деревню с дурацким названием Корчи не ездить. К тому же вскоре после получения того письма мама заболела и, промучившись несколько месяцев, умерла. Вере стало не до ненужного дома. И вот сейчас он напомнил о себе вновь.

– Веруня, привет! – окликнули ее.

Она обернулась и увидела свою подругу Свету, которая волокла за руку упирающуюся девочку – трехлетнюю дочь Ксюшу.

Света была похожа на располневшую куклу Барби. В области талии, живота и бедер – многочисленные валики и складочки, бесстыдно подчеркнутые открытыми кофточками, топами в обтяг, облегающими платьями и брюками «в облипочку», до которых подружка была большая охотница. На круглых белых плечах сидела головка с кукольным личиком: огромные голубые глазищи, маленький носик, губки бантиком, блондинистые локоны до плеч. От нее всегда крепко пахло сладковатыми духами, заказанными по каталогу «Эйвон». Их названия Вера никак не могла запомнить.

– Ты чего тут? Да отцепись от подоконника, Ксюш! Письмо получила?

– Привет, – рассеянно откликнулась Вера. – Да, получила.

– Нет, посмотрите на нее, а! Балбеска! Всю дорогу мозги выносила. Полдня из садика дойти не можем, Вер! То тут застрянет, то там. Встанет, главное, и стоит, смотрит, как баран

на новые ворота! – тараторила Светка. Наткнулась взглядом на опрокинутое Верино лицо, нахмурилась и спросила:

– А ты чего... такая?

– Какая?

– Не знаю... Тихая. Что случилось?

За три года знакомства Вера привязалась к Светлане. Это была простая, искренняя, независливая и добрая девушка. Вся ее жизнь, подробности которой Свете и в голову не приходило скрывать, была у Веры как на ладони. Она знала, чем подруга лечит свои женские болячки, из-за чего ругается с мужем и сколько тот зарабатывает.

Сама Вера по натуре не склонна была откровенничать с людьми, но тоже частенько делилась со Светой горестями и радостями. Они нередко отмечали семьями праздники, ездили на пикники, забегали друг к дружке на чаек, ходили по магазинам. Вера охотно соглашалась посидеть с Ксюшкой, а охочая до рукоделия Света вязала им с Маратом шарфы, носки и варежки.

Сейчас подруга озабоченно смотрела на Веру, неподдельно волнуясь и пытаясь угадать, что произошло. От того, что есть на свете человек, которому небезразличны ее беды, защищало в глазах. Подступили слезы, которые никак не желали пролиться дома.

– Так, кое-что произошло, – Верин голос задребезжал и надломился, и, услышав эти жалкие звуки, она почувствовала себя такой несчастной и одинокой, что закрыла руками лицо и заплакала.

От неожиданности Ксюша перестала шалить, оторвала пухлые ладошки от подоконника и раскрыла рот, готовясь поддержать тетю Веру собственным ревом. Мать коротко глянула на дочь и легонько покачала головой. Ксюша реветь передумала, тихонько подошла поближе к матери и встала рядом. Светлана кинулась к подруге, обхватила ее за плечи и стала подталкивать к лифту, приговаривая:

– Вер, да что случилось? Что ты... Ну, ладно, все, все, тише.

– Да не пойду я домой, – стала вырываться Вера – Что ты меня тащишь!

– Ко мне пойдем, ко мне, Верочка! Тут люди кругом. А у меня... Мой в командировке, мы с Ксюшкой одни. Посидим, успокоишься. Пошли, пошли.

Вера поняла, что именно это ей сейчас и нужно: выплакаться, выговориться, выпить – самая лучшая психотерапия для нашего человека. Она позволила Свете увлечь себя к лифту. Тот приехал на удивление быстро и с кряхтением и скрипом повез маленькую компанию на восьмой этаж.



## Глава 2

Через полтора часа подруги сидели на бело-голубой Светланиной кухне. В прошлом году Марат помогал ее мужу Витьку с ремонтом, и они вдвоем ничуть не хуже бригады приезжих умельцев побелили потолок, наклеили обои и постелили линолеум. А Света и Вера, взяв Ксюшку на прицеп, тем временем носились по магазинам, дотошно выбирая мелочи: занавески, светильники, клеенку, посуду и разделочные доски в тон.

Ксюша самолично приобрела перечницу и солонку в виде белой кошки с котенком, и теперь фарфоровое кошачье семейство сидело на столе и равнодушно взирало круглыми нарисованными глазами на Верино несчастье.

За окном с голубыми занавесками клонился к закату день. Люди спешили по своим делам, тащили сумки с продуктами, парковали машины, ныряли в подъезды, чтобы не покидать домов до завтрашнего дня, загоняли туда детей, которые упорно не желали покидать песочницы и качели. Жизнь продолжалась.

На столе перед подругами стояла тарелка с нарезанной неровными кружочками колбасой, селедка в пластиковой таре, сыр, картошка в большой миске, сладкие перцы вперемешку с огурцами, хлеб, деревенское сало на блюде. А еще томатный сок в пакете и на треть пустая бутылка водки. Накормленная Ксюша смотрела телевизор в комнате.

Подруги раскраснелись, Светку слегка повело. Вере же пережитое потрясение никак давало опьянеть и расслабиться.

Загудел Верин мобильник.

– Во, опять он! – с набитым ртом констатировала Света.

– Угу, – подтвердила Вера, глянув на экран. – Не буду брать.

– Не бери, не бери. Пусть понервничает. Смотри-ка, запрыгал, козел! Вер, что...

– А, ладно, – прервала подругу Вера, – давай лучше выпьем. Не берет и все, водка какая-то непьяная.

Света наполнила простенькие граненые рюмки, долила в стаканы сок.

– За нас с вами и хрен с ними, – провозгласила она.

Выпили.

– Мам, иди сюда, мультик кончился, – позвала Ксюша.

– Иду, иду! – Света унеслась менять диск.

Послышались громкие голоса: Светлана уговаривала дочь посмотреть «Простоквашино», а та ни в какую не соглашалась ни на что, кроме «Чип и Дейл спешат на помощь».

Вера встала и прошла в ванную. Включила воду, ополоснула лицо и грустно посмотрела на себя в зеркало. Милая симпатичная девушка: тонкие ровные брови, большие глаза, прямой нос, аккуратный подбородок – только выражение тоскливое, как у побитой дворняжки.

Она придиричиво пригляделась и решила, что пора подкрасить корни. Вера окрашивала волосы со школы. Природный цвет был светло-русый, невыразительный, «пыльный». В таких случаях девушки традиционно становятся блондинками всех мастей, однако она выкрасилась в брюнетку. И не прогадала. Темно-карие глаза сразу стали казаться больше и выразительнее, лицо приобрело законченность, исчезла расплывчатость черт. Даже мама, которая поначалу возражала против идеи красить шевелюру в столь нежном возрасте, вынуждена была признать, что дочь похорошела.

Вера вытерла лицо полосатым махровым полотенцем. Что делать? Боль в груди не отступала, решение, как жить дальше, не находилось. Она вздохнула и вернулась на кухню.

Света уже была там. Из комнаты доносились бодрые звуки песенки спасателей: судя по всему, победила молодость, Ксюша отвоевала право наблюдать за приключениями грызунов.

Вера села к столу и увидела на экране телефона очередной пропущенный вызов. Марат не сдавался.

– Ни один наших слез не стоит, вот ни один! Все они сволочи! – в сердцах сказала Света. Задумалась о чем-то своем и, не дожидаясь Веры, опрокинула рюмку, со стуком поставив ее на стол.

Про сволочей Светлана Сюкеева знала немало, причем на собственной шкуре. Ее муж Витек, водитель с ликеро-водочного завода, лично преподавал жене немало веских уроков.

Были они из одной деревни, приехали в город в поисках работы, потому как на селе с этим туго. Светлана, окончившая педучилище, быстро устроилась в детский садик. Витек пошел крутить баранку. Родилась Ксюша. Когда дочке исполнилось полтора года, Светка вышла на работу, пристроив дочь в свой садик. Получилось удачно – душа спокойна, что ребенок под присмотром, и деньги в семье нелишние. Квартиру на Северной они сначала снимали, потом выкупили по ипотеке. Теперь большая часть семейного бюджета перетекала в банк.

Витек трудился на своей «ликерке», считался неплохим работником и вообще хорошим парнем. С женой они жили неровно. Вроде и деньги Витек приносил, и по дому мог помочь, и ремонт своими руками делал, и жену с дочкой любил.

Но несколько раз в году в нем играло ретивое. Ипотека, прочнее любых уз связавшая его судьбу с судьбой Светы, накинула петлю на бесшабашную веселую жизнь. И иногда этот узел так давил на шею, так туго затягивался и перекрывал кислород, что Витек рвался прочь и зверел.

Уходил в загул, начинал пить литрами. Делать этого тихо и пристойно не умел, и окружающим, а в первую голову – жене, становилось попросту жутко. Дитина ростом под два метра, с кулаками размером со средний вилок капусты, Витек легко прошибал стены, выбивал окна, швырял и крушил мебель и посуду. Исступленно матерился, ревел дурным голосом, говорил бедной Свете гадости, несколько раз избивал так, что она ходила в синяках и лечила почки.

Все это, естественно, на глазах у ребенка. Правда, дочь не обижал, как бы пьян ни был, за что Света была благодарна ему иррациональной благодарностью. Бывало, Витек не ночевал дома, и жена ночи напролет рыдала, потому что была уверена, что муж с другой женщиной. Она страшно его ревновала, хотя и знала, что эти пьяные измены на отношение к ней не влияют, и жену он ни за что не бросит.

О разводе Света не помышляла. Всплески его пьяной дурной энергии прощала с истинно русской покорностью, которая давно уже стала особенностью национального характера и которую не способны вытравить ни американские фильмы, ни вошедшие в жизнь новые технологии, ни статьи продвинутых журналистов, ни призывы феминисток. Света понимала и внутренне принимала мужнины метания, не задумываясь о том, что ей-то, в сущности, живется не легче. Только вот женщины не могут позволить себе ни загулов, ни послаблений.

Выпустив пар, протрезвев и отгулявшись, Витек становился покорным и кротким, трогательно просил прощения, клялся, что это в последний раз (хотя оба прекрасно знали цену таким клятвам). Будь Света более рассудительна, вдумчива и склонна к анализу, она понимала бы, что с годами загулы будут становиться чаще, а промежутки между ними – короче. Что бурные семейные сцены не проходят бесследно для психики маленькой Ксюши. Что Витек, каждый раз обретая прощение, начнет наглеть, позволять себе все больше, и в своей склонности к разрушению заходить все дальше.

Однажды Света сказала Вере с наивной прозорливостью: «Если бы я задумалась о том, как живу, то, наверное, пошла бы и повесилась. Но я не задумываюсь и поэтому живу хорошо». В этом была вся она.

История подруги, по правде говоря, не произвела на нее большого впечатления. Увидев Веру в слезах, она поначалу испугалась, подумала, случилось что-то непоправимое, ужасное. Например, рак или СПИД.

Но поняв, что произошло, успокоилась. В ее понимании, случай был пустячный. Она, разумеется, сочувствовала Вере и негодовала по поводу поведения Марата, но в глубине души не считала случившееся поводом для сильного расстройства. Ну, изменил мужик, ну, привел бабу. Но ведь не заявил, что любит другую и собирается разводиться! Из дому не гонит, наоборот, звонит, прощения хочет попросить. Света была уверена, что все у подружки наладится, и не собиралась подливать масла в огонь. Мудро рассудив, что если мириться все равно надо, так зачем долго друг друга терзать, она начала исподволь подталкивать Веру к мысли о прощении.

– Смотри, опять названивает! Настырный! Вер, а может, это она его соблазнила? Такое сплошь и рядом! Сучка не захочет – кобель не вскочит. А эта стерва белобрыся та еще тварь! Раскрутила мужика, а они ведь, сама понимаешь, слабые! – Света выразительно округлила глаза и отправила в рот кусок колбасы.

– Почему белобрыся? – прервала Светкин поток сознания Вера. – Она же рыжая!

– Кто рыжая? – опешила Светка.

– Аська, кто еще! Он же с ней был. Или ты... – Вера замолчала, сообразив, в чем дело.

В разговоре подружки называли разлучницу не иначе как «эта шлюшка», уверенные, что имеют в виду одну и ту же девицу.

– Вот черт, – пробормотала тоже разобравшаяся, что к чему, Света.

Зато теперь решение нашлось.

Одну женщину, может быть, действительно, случайную слабость, помноженную на хищный характер любовницы, Вера могла бы Марату простить. Помучилась бы сама, помучила его, чтоб неповадно было, но в итоге простила. Слишком многое их связывало.

Теперь все изменилось. Это уже, как говорится, другой компот.

Помимо рыжей Аськи имелась, оказывается, белобрыся Оксана! С ней Марат, как выудила Вера из окончательно растерявшейся простодушной Светы, встречался около полугода назад. Причем регулярно: та многократно заставляла его возле Оксаниной двери (Сюкеевы жили в соседней квартире). Светлана молчала, чтобы не расстраивать подругу.

Логично предположить, что до Оксаны у Марата были другие пассии – разнокалиберные, разновозрастные, с волосами всех цветов и оттенков. Похоже, все эти годы в Вериной семейной жизни незримо присутствовала дублерша. Стало противно и тошно. В прямом смысле. Вера вскочила, выбежала в ванную, и ее вырвало.

Пока за стенкой лилась вода и слышались характерные звуки, Света костерила себя последними словами. Сама того не желая, усугубила ситуацию настолько, что положительный исход не предвиделся. Она была не из тех людей, про которых говорят «сделал гадость – вот и радость», ей искренне хотелось все исправить.

Она протянула руку к Вериному телефону, чтобы набрать Марата. Рассуждала просто: пусть человек подготовится к разговору с женой, придумает оправдание, попросит прощения, купит цветы или подарок. Но не успела взяться за телефон, как в дверях показалась зареванная Вера. Света поспешно отдернула руку.

– Можно я у тебя переночую? Не могу его сегодня видеть, – горло саднило, голос звучал хрипло.

– Что ты спрашиваешь! Ночуй, конечно!

– Если это неудобно, скажи.

– Перестань! – возмутилась Света. – Мы с Ксюшкой на диване ляжем, а ты в ее кресле отлично поместишься!

– Спасибо, – слабо улыбнулась Вера.

Света бросилась стелить постели, и она осталась одна. Повертела в руках замолчавший мобильник, нашла номер Марата, изменила «Любимый» на «Бывший муж» и выключила телефон.

Когда вошла в комнату, Света и Ксюша уже лежали в кровати. Малышка возилась, что-то лопотала, требовала Мишутку. Света вполголоса отвечала, уговаривала закрыть глазки, сердилась, объясняла, что Мишутке с ними в кроватке будет тесно, он слишком большой и толстый, а под конец пригрозила выкинуть «драного медведя» с восьмого этажа. Ксюша обиженно засопела и мигом заснула. Вскоре и Света, устав от пережитых волнений и выпитой водки, тоже крепко спала.

Вера слушала их возню, потом слаженное сонное дыхание, и до слез жалела себя. Конечно, у Светки жизнь не сахар, но все-таки у нее есть дочка. А у нее теперь вообще никого нет.

И ведь только-только все устоялось, наладилось! Они с Маратом стали всерьез задумываться о детях. На море планировали поехать. Вот тебе и море!

Что дальше? Даже если отбросить мысль, что ее предали, растоптали, наплевали в душу, то никуда не денешь тот факт, что снова надо начинать с нуля. Встречаться с кем-то другим, притираться, строить новые планы...

Мысли о том, чтобы навсегда остаться одной, Вера не допускала. Не думала на манер Тоси из «Девчат», что одной лучше – хочу халву ем, хочу пряники. Понимала, что не сможет так жить. Она принадлежала к числу женщин, которым непременно нужно вить гнездо, заботиться о ком-то и чувствовать тепло в ответ. Без этого жизнь казалась пустой и бессмысленной. В последнее время Вера часто представляла себя беременной, думала, какие у нее будут дети, радовалась, что ей достался такой положительный муж – не пьющий, не бьющий, не гуляющий.

Да, с последним качеством вышла промашка. Вера повернулась на другой бок и вздохнула. Как он мог? Чего ему не хватало? Ведь и не ссорились почти, и в постели все было нормально. Спортивный интерес? Азарт? Испорченность натуры?

В полной мере осознать и оценить случившееся еще предстояло, а пока она испытывала шок. Вера читала, что даже после самой страшной раны человек в первые минуты ничего не чувствует. Боль приходит и ослепляет позже, когда ощущения возвращаются в полной мере...

Она думала, что ни за что не уснет. Сон и в спокойном-то состоянии приходил к ней не сразу, она могла подолгу лежать и таращить глаза в темноту, слушая гудение лифта, кашель и скрип половиц в соседних квартирах, звуки подъезжающих к подъезду автомобилей, писк сигнализации. Однако истрепанные нервы требовали отдыха, да и усталость взяла свое.

Проснулась Вера рано, в начале седьмого. Стараясь не шуметь, прошла в ванную, долго стояла под душем, выдавила из тюбика пасту прямо на палец и кое-как почистила зубы.

В районе желудка застыл противный холодок, как это обычно бывало перед экзаменом, и она постаралась занять себя чем-то, сосредоточиться на привычных вещах. Плотнее прикрыла обе двери, прибралась на кухне, устранив следы вчерашнего застолья. Приготовила завтрак: пожарила яичницу с остатками колбасы и сыра, заварила чай, намазала маслом хлеб. На часах было уже почти восемь, когда в кухню выползла сонная растрепанная Светка.

– Привет! – зевнула она. – Ой, каждый раз бы так просыпаться: завтрак готов, все сверкает.

– Доброе утро. Давай умывайся и садись. Ксюша спит? – Вера говорила непринужденно-бодрым чужим голосом.

– Без задних ног, – отозвалась Света уже из ванной. – Раньше девяти не встанет.

Завтракали тихо. Молчали каждая о своем. Светлане нужно было заняться уборкой, сходить на рынок – затарить холодильник на неделю вперед. Вечером должен приехать муж, и она собиралась приготовить что-нибудь вкусненькое. Света вынырнула из привычных размышлений и виновато посмотрела на Веру: вот у той заботы так заботы!

– Вер, – несмело позвала она, – ты как? Спала хоть?

Она поставила чашку на блюдце, отложила бутерброд.

– Да, как ни странно.

Света помолчала, потом рискнула повторить первую часть вопроса.

– А вообще-то ты как? Отошла?

– Нормально, не переживай. Дело житейское, – бледно улыбнулась Вера и махнула рукой. Света осторожно перевела дух. Может, еще и утрясется. Помиряется.

– И чего ты надумала?

– Тут и думать не о чем, Свет. Развод и девичья фамилия. Даже проще: мы же официально не женаты. Пусть катится со своими бабами.

– Как?! Да ты что! Не руби с плеча, Вер! Всякое бывает, нельзя вот так, сразу! Надо успокоиться, все обдумать, – она лепетала обычные в таких случаях слова и видела, что эти банальности отскакивают от подруги, которая все для себя решила.

– Ладно, Светик, начну собираться. Время уже... – Вера покосилась на часы, – почти девять.

– Сиди, не торопись!

– У тебя своих дел полно, и так со мной второй день возишься. Неудобно.

– Неудобно трусы через голову надевать, а здесь чего неудобного? Оставайся, сколько надо! – Света говорила горячо и торопливо. В глубине души ей было стыдно: если честно, дел и в самом деле выше крыши и гостя уже некстати. Мыслями Света была в заботах по уборке, готовке, встрече любимого мужа.

Вера уловила настроение подруги, на ее месте она чувствовала бы то же самое. Подруга подругой, а семья есть семья.

– Нет-нет, Свет, пойду. Рано или поздно нам придется поговорить с Маратом. Только косметичку дай, а то я все дома оставила, лицо нарисовать нечем.

– Конечно, бери, что надо! – Света притащила из ванной объемный, доверху заполненный сундучок. Поковырявшись в залежах засохших румян, пустых тюбиков помады и рассыпавшихся теней, Вера отыскала относительно новую тушь, пудру и блеск для губ. Хватит, не на дискотеку.

– Тут у меня свалка, старье выкинуть некогда, – виновато улыбнулась Светка, занявшись посудой. – Вот говоришь, развод. Но вы так давно вместе, как же ты...

– Как-нибудь. Не пропаду, не бойся. Крыша над головой есть, а там посмотрим. Он пускай к мамочке переезжает. То-то она обрадуется.

Вера поморгала накрашенным правым глазом и принялась за левый.

После смерти матери она продала их комнату в общежитии. Комната была большая, ухоженная, поделенная гипсокартонной перегородкой на две части, с новым окном и дверью. Даже душевая кабина имелаась!

Покупатели нашлись моментально. Добавив денег, они с Маратом сумели приобрести пусть небольшую, но изолированную квартиру. Недостающую сумму пришлось взять в кредит, который на себя оформляла опять-таки Вера. Платили они его с двух своих зарплат, экономии, выкручивались и три месяца назад досрочно погасили долг.

Квартиру оформили на имя Марата. Решили, так будет проще. Все равно оба знают, что жилье общее. И хотя по документам получалось, что хоромы на Северной – собственность мужа, а Вера там просто зарегистрирована, она была уверена, что он добровольно отдаст и перепишет на нее квартиру.

– Ну, все, – Вера напоследок изучила свеженакрашенные глаза и губы в маленьком зеркальце и захлопнула пудреницу.

Попрощаться как следует не удалось – проснулась Ксюша, причем сильно не в духе. То ли недоспала, то ли переспала. Залезла к матери на руки, уткнулась носом в ее шею. На призывы сказать «пока-пока» не отреагировала, в ванную идти умываться не пожелала.

– Ладно, воюйте. Спасибо за все, Светик.

– Брось! Но ты подумай еще разок, Вера, – завела было подруга, поглаживая дочку по спинке. Вера мягко перебила:

– Девчонки, я побежала, – чмокнула Свету в щеку, Ксюшу куда-то в район затылка и ушла, прикрыв за собой дверь.

Светлана грустно смотрела ей вслед.

## Глава 3

Как выяснилось, прошлой ночью Марат спать не ложился. Едва Вера вошла, он вскинулся с кресла, в котором вчера прикорнул, не раздеваясь.

– Наконец-то! – с облегчением проговорил он. – Где ты была? Я весь вечер тебе звонил, почему трубку не берешь? Так нельзя, я волновался, ночь не спал. Куда ты пропала?

«Вроде не играет. Вправду волновался», – отстраненно подумала Вера.

– С добрым утром, – холодно бросила она.

Скинула туфли и быстро прошла в комнату. Приоткрыла балконную дверь, села на диван напротив Марата. В голове вертелись обрывки слов, которые она собиралась швырнуть в лицо мужу, но заговорить не получалось. Как ни крути, а сказать-то надо одно – мы расстаемся, и это оказалось нелегко. Он тоже молчал, настороженно глядя на Веру. Тишина разрасталась, давила на нервы.

– Ладно, Марат, – кинулась в омут с головой Вера. – Я больше не хочу с тобой жить. Нам надо расстаться.

– Где ты была? – невпопад отреагировал муж.

– Какая разница? Ну, если тебе так уж надо знать, у Светы.

– Ах, у Светы! – Марат всплеснул руками. – Она наплела черт-те что, а ты и поверила?

– Ты издеваешься? Она наплела? А ничего, что я эту корову на тебе застала? – возмутилась Вера. – Или у меня галлюцинации?

– Нет, ты, конечно, видела... – Марат смешался, но позиций не сдал и тут же отбил мяч. – Послушай, Вер, я вел себя как идиот. Признаю! Сам не знаю, как такое вышло. Честное слово, в первый раз! Ты же знаешь, какие бабы бывают...

– Какие бабы бывают, тебе виднее, – брезгливо прервала его Вера.

– В каком смысле? – не понял Марат.

– В прямом. Их у тебя вагон и маленькая тележка.

– С чего ты взяла?! Я же говорю, это было в первый и последний раз!

– Нет, надо же! Врет и не краснеет! А Оксана? Может, ты дверью каждый раз ошибался, когда к ней таскался? – ядовито прошипела Вера.

– Все-таки наплела, зараза!

– Что ты стрелки переводишь! Какая разница, кто сказал! Главное, я знаю! Ты меня обманывал, спал со всякими проשמандовками, а потом шел сюда, к своей доверчивой дуре! Да как ты мог? – почти прокричала Вера.

А ведь собиралась не доводить до скандала, мелькнуло в голове. Не упрекать, не спрашивать, не заставлять объясняться. Со стороны такие сцены выглядят убого, поэтому она намеревалась просто гордо уйти. Но нахлынули, накрыли с головой обида, тоска, боль. Она захлебнулась и барахталась в словах и чувствах, не в состоянии замолчать, остановиться.

Тихое интеллигентное расставание отменялось. Соседи, наверное, приникли к стенам, но Веру это уже не волновало.

– Вера, успокойся, ты не так поняла...

– «Не так поняла»! – яростно передразнила она. – Как еще это можно понять?

– Хорошо, хорошо! – Марат вскочил и забегал по комнате. Он тоже разозлился. На себя, на Веру, на всю эту досадную ситуацию. – Да, случались у меня бабы время от времени. Но это ничего для меня не значит!

– Для тебя – нет. Зато для меня значит! Значит, что ты подлец и скотина! – выкрикнула Вера.

– Я скотина, а ты у нас нежная белая роза! Да пойми ты, я просто муж-чи-на! – по слогам проскандировал Марат. – А мужикам свойственно ходить налево!

– Бл...ство половых признаков не имеет, – выдала Вера вычитанную где-то фразу. – Не гребни всех под одну гребенку! Если тебя член ведет по жизни, это не означает, что все такие же. И вообще, хватит! Видеть тебя больше не хочу.

– И что ты предлагаешь?

– А ты не понял? Давай расстанемся. Живи как хочешь. Собирай вещи и уходи.

– Я? – Марат неприятно улыбнулся. – А почему это я должен уходить из своего *собственного* дома? Это же тебе что-то не нравится. Надоело со мной жить. Ты выдаешь штампованные фразочки и строишь из себя невесть кого. Вот и иди – ищи себе достойного.

В этот момент Марат был до странности похож на свою мать, Римму Ринатовну. Она тоже, как и мама Веры, воспитывала ребенка одна. Тихая девочка из глухой татарской деревни приехала в Казань, поступила учиться на парикмахера и вышла замуж за brutального русского парня Родиона Слепнева, который однажды неосмотрительно подставил свою русую голову под ее ножницы и расчески.

Неизвестно, чего ожидал от брака этот самый Родион. Возможно, надеялся, что скромняга Риммочка будет ему ноги мыть и воду пить, спокойно смотреть на загулы и молча воспитывать детей. По всей видимости, так он представлял себе идеальную мусульманскую жену.

Однако Римма надежд не оправдала, быстро показав, кто в доме хозяин. Нрава она была крутого, к тому же обладала деревенской хваткой и умением пускать корни в любой, даже самой неблагоприятной, почве. Итогом их недолгого союза стал сын Марат и стремительный развод. Римма Ринатовна приобрела фамилию незадачливого мужа и половину его жилплощади, куда в свое время удачно прописалась. Родион сопротивляться не стал, квартиру поделить не отказался и, как порядочный человек, исправно платил бывшей жене алименты, пока не погиб под колесами автомобиля какого-то лихача.

Римма Ринатовна замуж больше не выходила. В городе она пообтесалась, приобрела определенный лоск и манеры, научилась говорить без акцента, разбираться в моде, поверхностно, но дерзко рассуждать о театре и кино. Этого вполне хватало, чтобы считаться современной, умной и, как бы сказали сейчас, продвинутой. Работать она умела, клиенты ее любили, и парикмахерское дело быстро стало приносить хороший доход.

Через несколько лет щелкать ножницами ей уже не приходилось: Римма Ринатовна возглавила салон, в который когда-то пришла после училища. Комнату в коммуналке она вскоре расширила до двухкомнатной квартиры в хорошем районе и теперь с полным правом свысока цедила, мол, «понаехали».

Работа работой, но главной страстью в жизни Риммы Слепневой всегда был любимый Марочка. Ему с детства, по праву рождения, полагалось все лучшее – игрушки, одежда, обувь, кусок за столом. Школа – так самая престижная, вуз – так самый востребованный. К слову, Марат и сам был неглупый молодой человек, поэтому на юрфак университета, куда его засунула мать, вполне мог поступить и самостоятельно.

Когда учеба осталась позади, мама устроила Марочку на работу: госучреждение, солидная зарплата, неплохие перспективы. Вчерашнему выпускнику без опыта работы попасть туда было нереально, но Римма пёрла, как танк, и Марочка оказался в желаемом кабинете. В учреждении его, кстати, весьма ценили. Устроился по благу – так что с того? Мало кто в наши дни попадает «с улицы» на хорошую должность.

Из Риммы Ринатовны получилась настоящая водевильная свекровь. Слова «я посвятила жизнь сыну» она произносила абсолютно серьезно, без тени иронии, со слезой и надрывом. Была убеждена, что ни одна женщина по определению недостойна обожаемого сыночка. Веру она невзлюбила сразу и навсегда, потому что та была первой, кто не только завладела вниманием и временем Марочки, но и, посягнув на святое, увела мальчика из дому.

Свекровь и невестка находились в состоянии войны – почти всегда холодной, но со вспыхивающими время от времени очагами открытых конфликтов. Если Вера еще старалась дер-



жать себя в руках, то у Риммы Ринатовны тормозов не было. Она запросто могла сказать сыну: «Ты своей-то передай, с такими кривыми ногами короткие юбки не носят» или «Вера на дне рождения была накрашена, как проститутка».

Однажды заявила в лицо снохе: «Сегодня в гостях у меня будут сестра с мужем, образованные, интеллигентнейшие люди. Будь любезна, помалкивай, пока к тебе не обратятся, не позорься». «Образованные и интеллигентнейшие» были под стать самой Римме Ринатовне, дальше кулинарного училища дело не пошло, зато муж был начальником хлебопекарного цеха, а жена заведовала школьной столовой.

Иногда доходило до откровенного маразма. Например, свекровь знала, что у Веры аллергия на помидоры, и на свой юбилей положила их во все блюда – начиная с салатов и заканчивая рагу и подливой к мясу. Не поленилась даже приготовить томатный суп-пюре! Бедная Вера, увидев это томатное буйство на праздничном столе, просто обомлела. Выхода было два: либо съесть что-то с риском для здоровья, либо весь вечер просидеть перед пустой тарелкой с куском хлеба. Естественно, она поступила, как подсказывал здравый смысл и инстинкт самосохранения. А Римма Ринатовна, которая этого и ждала, разрыдалась и заявила, что она-де старалась, ночи не спала, готовила, а неблагодарная сноха «как обычно» плюет на все усилия «мамы», выдумывает чушь про аллергию, брезгует есть в гостеприимном доме.

Воспоминания за доли секунды пронеслись в голове, и Веры поежилась – теперь их двое против нее одной. Она перевела дыхание и постаралась взять себя в руки, чтобы не разрыдаться или не раскричаться.

– Послушай, давай поговорим как взрослые люди, – примирительно начала Вера. – Ты прекрасно знаешь, я имею на эту квартиру больше прав. Идти мне некуда, я продала нашу с мамой комнату. И кредит тоже я на себя брала, – Марат хотел что-то возразить, но Вера предостерегающе подняла ладонь и быстро договорила: – Помню, что мы выплачивали его вместе! Я верну тебе половину этих денег. Да ладно – всю сумму, если хочешь. Снова возьму кредит, не привыкать. Забирай музыкальный центр, телевизор, компьютер и...

– Стоп, стоп, моя дорогая, – громко перебил Марат, – хватит рассказывать, что ты продала и какой кредит брала! Свои подвиги опишешь Светке на досуге. Юридически, по документам, квартира принадлежит мне. Я отсюда съезжать не намерен – и это не обсуждается. Хочешь – живи здесь, со мной, как раньше. Не хочешь – скатертью дорога! – Марат с ленцой тянул слова, а договаривая последнюю фразу, для убедительности ткнул в сторону входной двери указательным пальцем.

Он стоял возле большого глиняного горшка с карликовой пальмой, – единственным растением, которое прижилось в их доме. Маленькая игрушечная пальма и невысокий Марат, который всегда немного комплексовал из-за своего роста. Сладкая парочка. Вера еле-еле сумела проглотить комом разбухавший в горле неуместный истерический хохот.

– Какой же ты все-таки... мелкий, Марат. Как я раньше не замечала?

Марат надулся, хотел что-то ответить, но Вера опередила.

– Успокойся, я не рост твой имею в виду, а натуру. Хотя по мне лучше быть маленьким, чем ничтожным. Но это дело вкуса.

– Прекрати играть словами! Терпеть не могу эту твою манеру! Я тебя не гоню, готов даже попросить прощения за свой проступок. Давай оставим все, как было, забудем этот неприятный разговор, – он криво улыбнулся и шагнул к ней, но Вера отшатнулась.

– Ты таким способом хочешь заставить меня остаться?! Это что – вместо раскаяния? И тебе даже не стыдно? Ты говоришь жуткие вещи, и для тебя это нормально?!

– Вера, Вера! – досадливо поморщился Марат. – Вечно ты все ставишь с ног на голову! Не надо патетики, это жизнь, а не твои смешные книжки. Нечего читать мне мораль, обойдусь без проповедей. Я просто здраво смотрю на вещи. Уговаривать тебя не собираюсь. Не хочешь, как хочешь. Но скажу сразу: про то, чтобы продать эту квартиру, а деньги поделить, тоже забудь.

Еще раз повторяю, квартира – моя, а мы с тобой официально не женаты, так что ты мне – никто. Юридически.

– Между прочим, можно доказать, что это я дала деньги, что мы давно жили вместе в гражданском браке, – запальчиво проговорила Вера, – есть же, в конце концов, свидетели: наши знакомые, соседи...

– Иди, попробуй, – хладнокровно произнес Марат, – подай на меня в суд, притащи туда своих подружек. Только не думай, что я это проглочу! Тоже найду свидетелей, это раз. А еще у матери есть нотариально заверенная расписка трехлетней давности. И там черным по белому написано, что я взял у нее в долг энную сумму денег на покупку квартиры. Поэтому если в суде возникнут вопросы, то покупал квартиру я, деньги мне одолжила мать, а уж куда ты дела кредитные средства и деньги от продажи комнаты – твое личное дело.

– Расписка трехлетней давности? – ошеломленно переспросила Вера. – Значит, ты уже тогда планировал меня обокрасть? Вы со своей мамочкой заранее все обдумали? Она ноги об меня вытирала, травила, как зайца на охоте, и при этом планировала лишиться всего?!

– Что за слова, Вера! Мама права, в тебе нет тонкости. «Обокрасть»! Мы просто подстраховались, и, как видишь, не зря.

– И эту подлость ты называешь «подстраховаться» и «здрово смотреть на вещи»? – Вера обхватила голову руками.

Она понимала, что ничем не перешибет его уверенности. Он был горд своей предусмотрительностью, а у нее не было сил, желания и, скорее всего, возможности с ним бороться. Вдвоем с мамой Риммой они асфальтным катком пройдутся по ней, раздавят и не поморщатся. Ничего она не добьется. И хватит сидеть тут, унижаться.

Вера медленно поднялась с дивана и принялась собирать вещи. Сняла с антресоли большую сумку, прошла в ванную, взяла фен, зубную щетку из стаканчика с веселым енотом и косметичку. Раскрыла шифоньер, сгребла с полок нижнее белье, пару полотенец, покидала в сумку джинсы, свитера, кофточки, юбки.

Марат был настроен продолжать разговор. А может, рассчитывал заставить Веру остаться жить здесь на его условиях. Что-то говорил, но она уже ничего не слышала. В ушах стучало и бухало, голова болела, слова доносились как сквозь толщу воды. «Только бы в обморок не грохнуться», – подумала она.

Сумка быстро заполнилась, кое-что пришлось положить в большой пакет.

– Вроде бы все, – с усилием проговорила Вера. – За остальным приду позже, тут немного осталось. Дубленка, сапоги, теплые вещи.

Видимо, Вера выглядела такой измученной и несчастной, что Марат растерялся и слегка покраснел.

– Пока, Марат. Ты умница и молодец, конечно. *Юридически*. И ни в чем, вернее, ни в ком, себе не отказывал, и квартиру получил. А я идиотка. Дураков учить надо, правда? Спасибо за науку. Удачи тебе и счастья.

Марат не нашелся с ответом и застыл на пороге. Вера была довольна собой. Ей показалось, что прощальные слова прозвучали как надо, уйти от мужа она сумела достойно, несмотря на полуобморочное состояние. Это чуть-чуть подняло настроение. Вопрос только в том, куда уйти, думала она, волоча котомки по коридору.

## Глава 4

Вера сидела на лавочке у автобусной остановки и напряженно размышляла. Сердечные переживания и обиды временно отошли на второй план, потому что надо было срочно решить насущный вопрос – куда идти? Где теперь жить?

Бодро и уверенно пройдя сто метров до остановки, теперь она была в полнейшей растерянности. Идти опять к Свете не вариант: сколько можно злоупотреблять ее гостеприимством? Посиделки на кухне в отсутствие мужа – это, конечно, здорово, но Витек сегодня возвращается из командировки. Вряд ли он обрадуется присутствию Веры. К тому же жить по соседству с бывшим, наткнуться на него в коридорах, встречать у подъезда – нет уж, увольте!

Родственников, по крайней мере, тех, о которых ей известно, у Веры не имелось. Близкая подруга Лена, бывшая одноклассница и одногруппница, вышла замуж за коренного питерца и жила теперь в Санкт-Петербурге. За последние пять лет они виделись всего три раза, когда Лена приезжала в гости к матери. Вера тоже в Питер не ездила. Время и расстояние сделали свое дело: постепенно темы для разговоров иссякли, жизнь потекла в разных берегах, интересы поменялись. Ленка родила мальчишек-близнецов, упоенно занималась домашним хозяйством, обустроив шикарную двухуровневую квартиру (бизнес мужа стал приносить хороший доход). А Вера... – ну, тут все ясно. О том, чтобы свалиться бывшей лучшей подруге на голову со своими проблемами, нечего было и думать.

Оставались две приятельницы – Аня и Гуля. Они вместе работали в библиотеке. Аня была на три года старше Веры, а Гуля, наоборот, на три года моложе. Девушки вместе обедали, болтали обо всякой чепухе, ходили в кафе и по распродажам. Они, конечно, охотно посочувствуют Вере, но и только. Ни одной не придет в голову предложить пожить у себя – и ничего удивительного. К тому же Аня жила с мужем и дочкой, а Гуля – с родителями.

Итак, родственников и подруг нет. Значит, придется снимать квартиру. Денег на первое время хватит. Слава богу, отпускные в общую копилку – банку на кухне – положить не успела. В отпуске надо будет где-то подработать, но это даже хорошо: отвлечет от невеселых мыслей. Вера немного успокоилась и решила купить газету с объявлениями о сдаче жилья внаем. Полезла в карман за мелочью и наткнулась на плотный бумажный конверт.

Поначалу не сообразила, откуда он взялся, но взглянув на обратный адрес, вспомнила: наследство! Домик в деревне.

– Может, туда и поехать? – невольно произнесла Вера вслух. Стоящая рядом бабка с клетчатой сумкой недоуменно воззрилась на странную соседку и на всякий случай отодвинулась подальше.

А что? Мысль неплохая. Во-первых, ехать все равно надо: требуется уладить дела. В бюрократическом государстве живем, бумажки – прежде всего. Во-вторых, хочется взглянуть на дом. Возможно, он пригоден для жилья. Хотя бы какое-то время можно будет перебиться. Все лучше, чем на вокзале! Но если он и окажется совершенной развалиной (а так, скорее всего, и будет), земля ведь должна что-то стоить. Ее можно продать. Получается, в Корчи съездить однозначно стоит. А снять квартиру всегда успеется.

Оставалось узнать, далеко ли от города это место и как туда добраться – на электричке, автобусе или по Волге, на теплоходе?

Проблема решилась на раз – два. В газетном киоске нашлась карта Республики Татарстан с расписанием движения пригородных автобусов и электричек. Выяснилось, что деревня Корчи Владимирского района находится в семидесяти километрах от Казани. Попасть туда можно, добравшись на рейсовом автобусе до поселка Большие Ковши. А оттуда до Корчей – рукой подать.

Приободренная, довольная собственной находчивостью, Вера купила билет и вскоре села в автобус. Примерно через час она окажется в Больших Ковшах. И уж на месте разберется, что к чему.

Автобус быстро выбрался за пределы города и весело катил по трассе. Рассеянно глядя на мелькавшие за окном дома, поля, рощицы, речонки, коттеджные поселки и бензоколонки, Вера опять начала нервничать.

Конечно, ехать неизвестно куда на ночь глядя было чистой воды авантюрой. Пока она доберется до места, будет уже почти три часа. А если выяснится, что в такое время, да еще в субботу, никакой автобус до Корчей не ходит, а попутку поймать не удастся? Что тогда – пешком идти туда, не знаю куда? А придется, потому как вряд ли в Больших Ковшах есть гостиница! Обратно в Казань ехать, так ничего и не узнав, – просто глупо. К тому же снова встанет вопрос: где ночевать?

Ну, хорошо, допустим, попала она в Корчи. Само по себе одинокое проживание ее не страшило – Вера была не из пугливых. Но как быть, если выяснится, что дом – это развалюха без стен, крыши, воды, света и тепла? Да вдобавок в заброшенной деревне? Бог с ним, с теплом, сейчас почти лето. Но провести ночь черт знает где, в полуразломанном доме – удовольствие ниже среднего!

Паника нарастала, Вера беспокойно вертелась в кресле. Прекрасно задуманный план самостоятельной жизни трещал по швам.

Зазвонил телефон. «Кому это я понадобилась?» – подумала Вера, пытаясь извлечь вибрирующий аппарат из недр сумочки. Может, Марат? Все обдумал, осознал, что наговорил лишнего, умоляет простить? Высветившийся на экране номер разрешил все сомнения:

– Привет! Ты где? К вам идти боюсь, мало ли, а сил уже нет терпеть! Как поговорили со своим? – зачастила Светка.

– Привет, Светик! – откликнулась Вера, злясь на себя. Марат! Надо же такое удумать! – У меня все нормально. Я в автобусе. Еду в Корчи.

– Какие такие Корчи? Что еще за новости? Ты с Маратом?

– Нет, не с Маратом. Мы с ним поговорили. – Вера почувствовала, что слезы уже близко, и, боясь расплакаться, быстро договорила:

– В общем, я от него ушла. Квартиру он мне оставить отказался, прав на нее у меня нет, они с мамочкой все предусмотрели, чтобы я не рыпалась ни в суде, ни еще где. Короче, я давно уже какой-то дом получила в наследство от отцовских родственников, вот туда и еду.

– Вер, даже не знаю, что сказать, – пролепетала потрясенная Света. – Он вот так тебя выгнал?! Да его убить мало! И ты ушла?! Сам гуляет налево и направо, а ты же еще и ушла? Вера, надо было...

– Ладно, Свет. «Надо было» не связываться с таким дерьмом. И головой думать, а не одним местом, и квартиру на себя записывать. А теперь чего уж... Ничего не докажу, только вымажусь вся в этой грязи.

– Вер, нельзя так все оставлять! Тебе же жить негде! Почему ко мне не пришла? – переполошилась Света.

– У тебя только меня и не хватало, – отмахнулась Вера, – Светик, ну о чем ты говоришь? Своих проблем мало?

– Мы подруги! – решительно заявила Света. – Не дури, слезай с автобуса и возвращайся!

– Да ты что? – засмеялась Вера. – Спасибо, что беспокоишься, но я все-таки доеду, посмотрю, что мне за дворец достался.

– Все храбришься? Все шуточки тебе? – грозно проговорила Света. – А если там одни уголовники? Или пьяницы? Что ты одна будешь делать? Немедленно назад! Придешь ко мне, завтра вместе с Витьком поедem, если тебе приспичило!

– Ага, скажешь тоже! Он только-только из командировки, а тут я со своим наследством! В самый раз.

– Да, Витек, он... Но как же...

– Нормально все! Не маленькая, разберусь. Приеду, осмотрюсь, не понравится – вернусь и сниму квартиру. А дом продам. Еще и денег заработаю, видишь, как все классно? – Вера говорила с убежденностью, которой сама не ощущала.

Попрощавшись со Светой, которая взяла с нее клятву позвонить и рассказать, как дела, вернуться сегодня же, если «что-то пойдет не так» и «не вздумать пропадать», она убрала телефон и посмотрела в окошко. Пейзаж был совершенно незнакомым, но обыденным и мирным. Это немного успокаивало. Вера глянула на часы. Без четверти три. Наверное, скоро приедем. И словно в подтверждение пожилая кондукторша зычно объявила:

– Большие Ковши! Готовимся на выход! Не задерживаемся!

Вера поднялась с места, взяла пакет, сняла с верхней полки сумку и двинулась к выходу. Вместе с ней автобус покидали трое: женщина с мальчиком лет десяти и молодой мужчина.

Въехав в большое селение, автобус остановился метров через сто. Вера замешкалась в дверях, и молодой человек помог ей с сумкой.

– Спасибо большое, – благодарно улыбнулась Вера.

– Не за что. – Он вернул ей улыбку, перешел дорогу и зашагал уверенной походкой человека, знающего, куда идет. «А вот в романе он непременно влюбился бы в меня с первого взгляда, мы бы познакомились, сошлись и все мои проблемы разом решились».

В реальной жизни Вера осталась одна на пыльной улице. Из соседнего дома, словно вросшего в землю по самые пыльные окна, доносилась громкая музыка. «Синий туман-а-а-н, похож на обман», – с пьяной сосредоточенностью перекрикивал Добрынина сиплый мужской голос.

Недалеко от остановки располагался небольшой магазинчик под названием «У тети Сони». «Куплю попить и шоколадку, – решила Вера, – заодно спрошу, как добраться до Корчей».

Магазинчик оказался небольшим, но уютным и чистеньким. Внутри было прохладно и малоллюдно: у кассы топталась очередь из трех человек. Обслуживала посетителей маленькая расторопная женщина. Видимо, та самая Соня. Вера решила купить бутылку минеральной воды без газа, батончик «Марса».

– Сонечка, мне батон, пакет кефира и ряженку.

– В бутылке или в пакете?

– В пакете, в пакете, – торопливо проговорила полная одышливая женщина с редкими серыми, неаккуратно подстриженными волосами. – А, чуть не забыла, еще соли дай. Пачку.

Рассчитавшись, женщина отошла от кассы и окинула Веру равнодушным взглядом.

– А вам что? – Тетя Соня с доброжелательной улыбкой смотрела на незнакомую клиентку. Всех местных, с Ковшей, она знала.

Вера поздоровалась и улыбнулась в ответ:

– «Бонакву» и «Марс», пожалуйста. – Она секунду подумала и добавила: – Два пакетных супа, майонез, хлеб и сыр голландский, если есть.

– Есть. А вы из города? Далеко едете? – поинтересовалась тетя Соня.

– Да, из города. И уже почти приехала, – ответила Вера, – мне надо в Корчи. Вы не знаете, это далеко?

Тетя Соня положила перед ней покупки и стала отсчитывать сдачу. Вере показалось, что ее улыбка стала несколько натянутой, да и с ответом продавщица медлила.

– Чё тебе там понадобилось? – грубо прокаркали со стороны входной двери. Оказывается, полная женщина с мышиными волосами не вышла из магазина и прислушивалась к разговору у прилавка.

– Значит, по важному делу надо, Анечка, раз так далеко забралась, – поспешила сгладить неловкость тетя Соня. – Вы на машине?

– Нет, на автобусе, – рассеянно произнесла Вера, обескураженная реакцией на свои слова.

– Туда ничего не ходит, – сказала тетя Соня со странной смесью опасения, раздражения и сочувствия в голосе, – придется пешком.

Оглушительно хлопнула входная дверь. Анечка вышла на улицу и, переваливаясь с ноги на ногу, заковыляла прочь.

– Так я и знала! – с досадой воскликнула Вера. – Далеко идти?

– Не очень. Полчаса, если быстрым шагом.

– Хоть это хорошо.

Тетя Соня поколебалась и повторила, в более деликатной форме, бестактный Аничкин вопрос:

– В самом деле, если не секрет, зачем вам туда?

– Никакой не секрет. Мне там дом достался от родственников. Вот, еду посмотреть, узнать, что к чему, – еще не договорив, Вера заметила, как вытянулось лицо собеседницы.

– Значит, наследница? – деревянным голосом откликнулась она. – Понятно...

– Что понятно? – нервно спросила Вера. – Извините, но вы обе как-то странно себя ведете! Получил человек наследство, и что с того?

– Да ничего, конечно! – засуетилась тетя Соня, не поднимая глаз, и зачем-то принялась перекладывать продукты на прилавке.

– А, – осенило Веру, – вы знаете, о каком доме речь? И там кто-то живет, да? Претендует на наследство? В этом все дело?

– Я знаю, что это за дом, – подтвердила продавщица. Губы ее поджались, меж бровей пролегла глубокая складка. – Но вы ошибаетесь, там никто не живет. Пойдемте, покажу, куда идти.

– Вы меня проводите? – удивилась Вера.

– Нет, у меня же магазин, не бросишь, – покачала головой тетя Соня, вышла из-за прилавка и пояснила на ходу, – просто покажу дорогу.

Она повесила картонную табличку «Перерыв» и заперла дверь. Женщины вышли на улицу и направились мимо автобусной остановки обратно к окраине поселка. Здесь, недалеко от въезда в Большие Ковши, влево уходил проселок.

– Вот, вам сюда.

– Нормальная дорога, идти можно, – бодро отозвалась Вера. – Вон там, на холме, дома стоят – это и есть Корчи?

Тетя Соня утвердительно кивнула:

– Теперь доберетесь. Пойду, а то вдруг кто зайдет.

– Спасибо вам огромное, – сказала Вера, – проводили, показали... Не знаю, как вас благодарить!

– Ой, да ладно, что вы! – женщина повернулась и заспешила прочь.

– До свидания, – крикнула вдогонку Вера.

– Всего хорошего, – тетя Соня улыбнулась через плечо.

Вера поудобнее перехватила ручку сумки и двинулась по дороге.

## Глава 5

Лето в этом году началось в среду. И впервые Вера встречала его в самой настоящей деревне. Раньше она никогда не задумывалась о том, что всего в полутора часах езды от города встречаются такие места, как Корчи. Не то, чтобы сюда не дошли блага цивилизации: свет и вода в доме были. Даже старенький телевизор имелся.

Иной, словно вырванной из времени, была сама атмосфера: ощущение затерянности, невозможность выбраться из деревни иначе, как пешком, удобства на улице, отсутствие привычного слуху многоголосья большого города: автомобильных гудков, шороха шин, громких разговоров, музыки, обрывков рекламных слоганов, телефонных мелодий. Кстати, телефон ловил не везде, только в определенных точках.

Вера жила в Корчах уже четыре дня. Здесь оказалось всего шесть домов, включая полученный ею в наследство. Раньше это была большая деревня, но сейчас вся жизнь протекала возле основной трассы, в Больших Ковшах. А здесь, в этом «аппендиксе», доживали свой век деды да бабки, которым никуда не хотелось ехать. Или некуда было.

Этакое стариновское царство.

Раз в неделю, по понедельникам, в Корчи приезжал продуктовый автобус, который привозил чай, сахар, соль, макароны и еще что-то. Можно под заказ. Плюс каждый месяц доставляли пенсию. Овощи, фрукты, ягоды росли в саду-огороде, грибы – в лесу. В одном доме держали коз, в другом – корову, во всех без исключения – кур. За хозяйственными надобностями, а также в аптеку или больницу старики шли пешком до Больших Ковшей, поскольку автомобиля ни у кого не имелось.

На одинокую девушку, которая забрела в Корчи под вечер субботы, вышли поглазеть все местные жители. Событие нерядовое, но, как позже поняла Вера, дело было не только в том, что гости редко сюда заходили.

Имена соседей она скоро узнала. А в тот момент тетка Татьяна (как она сама представилась) с мужем Федором Степановичем, Маруся, дед Николай Семенович Емельянов (можно просто Семеныч) с женой Марией Сергеевной, бывшая учительница Ирина Матвеевна и братья Михаил и Кирилл Козловы – итого восемь человек, виделись ей просто пестрой кучкой стариков.

– Эт-та кто ж к нам пожаловал? – без обиняков поинтересовался Семеныч. – Заблудилась, что ли?

– Здравствуйте, – со всеми разом поздоровалась Вера. – Наверное, не заблудилась. Это ведь Корчи?

– Они самые, – подтвердил все тот же Семеныч. Остальные молчали.

– А где здесь дом номер четыре по улице Залесной, не подскажете?

Кто-то из стариков тихо ахнул, Михаил, старший из братьев Козловых, высокий и бровастый, отвернулся и сплюнул. Маруся перекрестилась и уставилась на Веру. Пауза затянулась.

– Я не понимаю... – заговорила было Вера.

Но тут вмешалась Ирина Матвеевна, интеллигентного вида пожилая дама в очках с золотистыми дужками. На ней единственной были не калоши или войлочные тапочки, а туфли без каблучков из мягкой коричневой кожи.

– Улица здесь теперь всего одна, а четвертый дом – вон он, – негромко ответила она.

Из толпы высунулась тетка Татьяна, женщина лет шестидесяти. У нее была своеобразная внешность: коротенькое и толстенькое, почти квадратное, тело и маленькая головка с узким личиком. Будто взяли две детальки из детского конструктора да и соединили вместе, не заботясь о пропорциях. Быстрые глазки, сильно выдающиеся вперед нос и рот придавали ей сходство с любопытной крольчихой.

– И надолго сюда? С вещичками-то?

– Пока не знаю.

– Вы кто Толмачевым будете? – продолжала допрос тетка Татьяна.

– Кому? – не поняла Вера. И тут же сообразила, что Толмачев – это фамилия отца. – Я дочь Владимира Толмачева, а мой дед – Игорь Толмачев. Папа давно уже умер, а дед примерно четыре года назад. Ни его, ни бабушку я никогда не видела. Мне письмо пришло, что я единственная наследница этого дома, вот и приехала взглянуть, – принялась объяснять Вера.

Все настороженно слушали. Напряжение передалось и Вере, хотя она не могла уловить его природу. Снова эта необычная реакция на слова о наследстве!

– Может, поживу пока здесь, – неуверенно закончила она.

– Ну-ну. Вот, значит, оно как, – кивнула тетка Татьяна.

– Беда таперича будет, беда, – вдруг громко заголосила сухонькая старушка в клетчатом платке, низко надвинутым на лоб, смешно выговаривая «бьяда» и «таперича».

«Сумасшедшая!», – решила поначалу Вера, но наткнулась на взгляд старухи и поняла, что поторопилась с выводом. Из рта кликуши размеренно неслись горестные рулады, при этом выцветшие глаза, в которых светился ясный ум, цепко, с инквизиторской холодностью всматривались в лицо Веры.

– Возвернулася – теперь уж никуда не денисси, никому не жить тут! Окаянная ты, окаянная. Были нам знаки! Все видали – не все верили-и-и!

– Машка, что ты как на похоронах, – цыкнул на жену Андрейич. – Но вообще, да. Не к добру.

Все заговорили разом. Вера не могла ничего разобрать и растерянно вертела головой, пытаясь понять смысл происходящего.

– Хватит вам! Совсем запугали девушку! Пусть осмотрится, поживет. Может, и уедет, что ей с нами, стариками, делать? – зычным учительским голосом возвестила Ирина Матвеевна. – А вы, милая... Как вас, кстати, зовут?

Вера назвалась.

– Вы, Верочка, не обращайтесь внимания. Мы живем обособленно, своим мирком. Люди здесь не злые, сами увидите. Не сердитесь, пойдемте, я провожу.

Они с Ириной Матвеевной пошли, наконец, к дому. Пожилая учительница сразу понравилась Вере. Бывает иногда, что человек, которого видишь впервые в жизни, кажется близким и давно знакомым.

Дом, полученный в наследство, оказался совсем не таким, как боялась Вера. Она ожидала увидеть почерневшую от времени ветхую, полуразвалившуюся деревянную лачугу, покосившийся забор, заросший сад – брошенный, неухоженный клочок земли. Дед умер несколько лет назад, бабушка, по всей видимости, и того раньше, так что за домом некому было присматривать. А может, они тут вообще не жили. Вера ведь ничего о них не знала.

Ирина Матвеевна оставила Веру любоваться своим имуществом, а сама отправилась домой. «Ваш дед оставил мне ключи, когда уезжал», – пояснила она. Дом стоял особняком. Единственный на четной стороне улицы. Все остальные вытянулись немногочисленным строем напротив. Одноэтажный, с прочной на вид дверью и тремя глядевшими на улицу окнами, он был выстроен, вопреки Вериним ожиданиям, из белого кирпича.

За домом виднелась баня, небольшая и тоже кирпичная. Деревянный забор, который опоясывал участок, почти везде был целый, ровный, с аккуратной калиткой. Пройдя по периметру участка, Вера лишь в одном месте, возле яблони, увидела разрыв: в открывшемся провале на земле валялись гнилые черные доски. К крыльцу от калитки вела дорожка, выложенная плоскими каменными плитками, сквозь которые упорно пробивалась трава. Все выглядело добротным и обжитым. Обитаемым. И только большой сад был запущенным, заросшим травой и кустами.



Подошла Ирина Матвеевна с ключами на железном колечке.

– Заходите, Верочка, не стесняйтесь. Калитка не заперта, – улыбнулась она, – толкайте сильнее.

Они прошли по короткой дорожке к дому. Ключ повернулся в двери легко и без усилий, словно замок недавно смазали. Женщины попали в пустые сени – ни мусора, ни пыли, ни старой обуви. Деревянные крашенные полы и стены, лестница на чердак, небольшое окошко во двор. Идеальная чистота и пустота.

Дверь в жилую часть дома открывалась другим ключом из связки. Вера вошла в темное помещение. Ирина Матвеевна протянула руку из сеней, нащарила слева выключатель. Свет вспыхнул, осветив коридорчик с пятью дверями: одна напротив, две с правой стороны, две – с левой.

За крайней левой дверью оказалась кухня, за остальными – комнаты. Рядом с кухней – просторная гостиная, «зала», пояснила Ирина Матвеевна. Остальные комнаты оказались практически одинаковыми по размеру, небольшими, в каждой – по одному окошку. Мебели почти не было, только в комнате напротив – кровать, тумбочка и шифоньер, в «зале» – низкий столик с телевизором и диван, в кухне – обеденный стол и три стула, несколько шкафчиков, рабочий стол для готовки, плита, маленький допотопный холодильник да белая раковина.

В коридорчике висело большое овальное зеркало.

– Ирина Матвеевна, я смотрю, на кухне кран. В доме есть вода?

– Да, Верочка. На участке собственная скважина, ваш дед провел воду прямо в дом и баню. Очень удобно! Он был строителем. Вы, наверное, знаете.

Вера ничего такого про деда не знала. Равно как и про бабушку, и про отца. Она неопределенно промычала что-то в ответ и стала осматриваться дальше.

– Ирина Матвеевна, это вы приглядывали за домом?

– Простите? – не поняла та.

– Здесь очень ухоженно, – пояснила Вера. – В заброшенных домах всюду паутина, пылица, грязь, а здесь и окна вымыты, и полы. Это вы прибрались?

– Нет, Верочка. Сюда никто не заходил последние семнадцать лет, почти с самой смерти Валентины Андреевны, вашей бабушки. Чудесная была женщина, мы с ней дружили.

Вера недоверчиво уставилась на Ирину Матвеевну.

– Вы серьезно? Семнадцать лет? Но это невозможно!

Та, не переступая порога, стояла в сенях и смотрела на Веру. Ей показалось, пожилая женщина хотела что-то сказать. Но передумала.

– Вы устраиваетесь, Верочка. У вас есть что покушать? Если нет, приходите ко мне на ужин. И вообще приходите. Я живу в коричневом доме с зеленой крышей. Не буду вам мешать, – и она быстро ретировалась, словно опасаясь расспросов.

Вера осталась одна. Остаток дня прошел в домашних хлопотах: она умылась, разобрала сумку и пакеты, повесила вещи в шкаф в комнате напротив, которую решила сделать спальней. Прошлась по всему дому, заглядывая в каждый угол.

Зашла в баню, решив спросить попозже у Ирины Матвеевны, как ее топить. Там было свежо и чистенько, готово к помывке или стирке. Ковши, тазики, даже пара веников на веревке под потолком. Чудеса, да и только.

Вера на скорую руку приготовила себе ужин. Благо, посуда нашлась, в том числе кастрюли, сковородки, чайник. Все, разумеется, кристальной чистоты. Вода из крана текла не ржавая, прозрачная, хотя и тонкой струйкой.

Завтра надо в магазин сходить, решила Вера. Помыла посуду и аккуратно придвинула стул к столу.

Ужасно хотелось спать: день выдался невероятно длинный, нервный, трудный. Она настолько устала, что даже о Марате не думалось. Застелив кровать постельным бельем в яркую

разноцветную клетку, Вера с наслаждением потянулась всем телом и подумала: «На новом месте приснись жених невесте». Грустно усмехнулась и заснула, прежде чем усмешка сошла с губ.

## Глава 6

Следующие дни пролетели незаметно. Самым ярким впечатлением воскресенья стала баня. По совету Ирины Матвеевны Вера купила дрова у братьев Козловых, которые обеспечивали ими всю деревню, и обратилась за помощью к Андрейчу. Он охотно показал, как топить баню, где включить воду и прочие премудрости. Правда, Вере подумалось, что ему натерпится скорее уйти с территории ее участка. Но, возможно, это только показалось.

Его жена Мария Сергеевна больше не вещала дурным голосом и без платка показалась Вере моложе, чем накануне вечером. У нее был высокий лоб и патрицианский нос, что придавало старухе смутное сходство с Анной Ахматовой. Мария Сергеевна пытливо ощупывала Веру внимательным взором, но, встречая ответный взгляд, всякий раз отворачивалась. А в целом Емельянова вела себя совершенно нормально. Даже поинтересовалась, как «соседушка» спала на новом месте.

Намылась Вера славно. Пошла, когда было не слишком жарко, и просидела в бане с перерывами часа два. Смывала с себя городскую и дорожную грязь, а вместе с ней выпаривала из пор застарелые обиды, переживания, страхи, ревность. К тому же подкрасила корни волос и сделала маску из голубой глины. После бани она чувствовала себя новой, легкой и прекрасной женщиной, у которой все впереди. Это вам не душ за пятнадцать минут принять: так и чувствуешь, что каждая клеточка задышала.

В Ковши она в этот день так и не выбралась, решила дожидаться продуктового автобуса. Из еды оставался хлеб и пакетный суп, вдобавок Вера купила у Ирины Матвеевны яиц. К тому же вечером соседка пригласила ее к себе на чай с пирогами.

Пироги были отменные, чай душистый, собеседница замечательная. За разговором Вера заочно познакомилась со всеми жителями Корчей. Узнала, что у тетки Татьяны и Федора Степановича, которые жили в первом доме на въезде в Корчи, детей не было. Он был старше жены на десять лет, привез Татьяну откуда-то из-под Самары. Всю жизнь они проработали на молокозаводе в Больших Ковшах. Федор Степанович больше сорока лет трудился шофером и ушел на пенсию только из-за нарастающих проблем со зрением. До сих пор во дворе их дома стоит проржавленная «буханка», списанная с баланса и подаренная руководством. Когда крепко выпьет, рассказывала Ирина Матвеевна, Федор обычно садиться за руль и плачет. Потом засыпает там же, в машине, и жена, кряхтя и чертыхаясь, тащит его домой, сонного и жалкого.

Колоритная чета Емельяновых жила в самом центре Корчей, между домами Маруси и Ирины Матвеевны. Дом у них самый большой и самый неопрятный, потому что Мария Сергеевна все делала исключительно в охотку, в том числе и занималась хозяйством. Была она, как выразилась Ирина Матвеевна, женщина импульсивная. («Оно и видно», – заметила про себя Вера). А поскольку желание наводить чистоту возникало у Емельяновой от силы пару раз в год, то и вид у дома был соответствующий. Во дворе вечно валялись дырявые ведра и тазы, громоздились кучи мусора и ботвы, забор и сам дом не красили лет пятнадцать или больше, одна ставня почти отвалилась и кособоко висела на ржавой петле.

Зато огород, непреходящая страсть Марии Сергеевны, был в образцовом порядке, как ни у кого другого. Помидоры и огурцы всегда самые крупные и вкусные, редиска и морковка – одна к одной, на зависть, картошка, тыква и яблоки – круглобокие и ровные. Детей у Емельяновых родилось целых пятеро, но двое сыновей умерли молодыми, один безвылазно сидел в тюрьме. Старшая дочь жила в Казани, младшая – в Москве. Детей ни у той, ни у другой не было, родителей дочери навещали редко. Так что, произведя на свет пятерых детей, ни одного внука старики так и не дождались, да уже и не дождутся, и это было предметом постоянных сетований Семеныча.

Зато у Маруси обратная ситуация: единственная дочь, Анна, которая с мужем жила в Больших Ковшах, оказалась плодовита, как крольчиха. У Маруси шестеро внуков и один правнук. Дочь и внуки часто навещали ее, Анна постоянно звала мать переехать к ней в Ковши, но та, несмотря на мягкость характера, неизменно отказывалась.

Никто никогда не звал Марусю по имени-отчеству, хотя ей было уже далеко за семьдесят, как и Ирине Матвеевне. Всю жизнь она проработала в районной поликлинике медсестрой, а муж, Петр Никитич, был врачом, которого до сих пор во всей округе вспоминали с любовью и уважением. Он умер давно, прямо как чеховский доктор Дымов: приехал по вызову в одну из дальних деревень, стал спасать задыхающегося от скарлатины ребенка, заразился сам и вскоре скончался. Маруся, которая боготворила и обожала мужа, так до конца и не смирилась с его смертью. В ее доме рядом с иконами висела большая фотография супруга, на стуле – пиджак, в котором Петр Никитич ездил на работу, и говорила она о муже в настоящем времени.

Братья Козловы жили на окраине Корчей, в добротном большом доме. Были они похожи друг на друга, немногословны и основательны. Раньше Козловы жили с женами и детьми – у того и другого было по одному сыну. Но лет семь назад умерла от инфаркта жена младшего брата, Кирилла, а через год – жена Михаила. Сыновья уехали из деревни много лет назад, появившись только на похоронах матери и тетки.

Сын Кирилла, тоже Кирилл, был военным, он приехал с женой, высокой сутулой женщиной, и ее сыном от первого мужа. Своих детей у него быть не могло, потому что в подростковом возрасте он переболел свинкой. Два Кирилла встретились как чужие и расстались без сожаления. Кирилл – старший корнями врос в Корчинскую землю, а Кирилл-младший был отрезанный ломоть, что могло их связывать? Скорее всего, следующая встреча состоится снова на чьих-нибудь на похоронах.

Неизвестно, кем был сын Михаила, но после его приезда разговоры о шикарной машине, роскошном пальто и «всей из себя» приехавшей с ним фифе не утихали неделю...

Жены остались на кладбище, сыновья приехали и уехали, и братья Козловы жили теперь вдвоем. Рубили лес на дрова, распахивали себе и другим за плату огороды, держали коз, ловили рыбу на Глубоком озере, которое находилось, оказывается, совсем рядом с деревней. Там было на самом деле очень глубоко, до сих пор водилась рыба, а вот купаться местные не рисковали: вода ледяная, а дно илистое и вязкое.

Про себя Ирина Матвеевна рассказывала мало и неохотно. Приехала в Большие Ковши из города по распределению после пединститута, да так и осталась. Выйти замуж «не получилось», хотя в ее жизни, как поняла Вера, была печальная любовная история. Ирина Матвеевна больше тридцати лет работала школьной учительницей, преподавала русский язык и литературу. Теперь вот на пенсии – что тут рассказывать?

Вера не настаивала. Ей ведь тоже не слишком хотелось говорить о себе. Ирина Матвеевна это поняла и тактично не расспрашивала о причинах внезапного визита на родину предков.

Засиделись чуть не до ночи. Вера помогла вымыть посуду и ушла домой, получив на прощание к завтраку большой кусок яблочного пирога.

Заснула она, едва опустив голову на подушку. Она вообще засыпала здесь моментально: бессонница, которая мучила ее в Казани, исчезла без следа. Теперь Вера спала крепко, без сновидений, не просыпаясь до утра.

Почти вся следующая неделя пролетела в хлопотах. В понедельник приехал продуктовый автобус, и Вера до отказа забила холодильник. Вдобавок купила у Марии Сергеевны овощей, в том числе и законсервированных, а у Ирины Матвеевны – десяток яиц. Договорилась с Татьяной, которая держала корову, о покупке молока раз в два дня. Корову почему-то звали Галкой.

Вера рьяно взялась за дела по оформлению дома. Побывала в филиале Владимирской администрации в Больших Ковшах, съездила в саму администрацию, представила все нужные документы, долго подписывала бесконечные бумажки и заявления. В целом все прошло на

удивление быстро и гладко: уже через месяц она станет законной, документально подтвержденной земле- и домовладелицей.

Каждый вечер, ложась спать, Вера с удовлетворением отмечала, что вполне довольна жизнью. И почти не думает о бывшем муже. Вернее, у нее почти получается не вспоминать о нем.

Она надеялась, что однажды, когда пройдет какое-то время, память проявит милосердие и перестанет постоянно выталкивать на поверхность сознания жесты бывшего мужа, его привычки, словечки, манеру хмурить брови и откидывать со лбы волосы. Улыбку, шуточки, смех, запах его кожи. И тогда она научится быть счастливой без него. Не назло ему, не вопреки предательству и не в пику его личному благополучию. А просто так – сама по себе. Сумеет освободиться, чтобы открыть себя чему-то новому.

## Глава 7

В пятницу, когда ездить по делам уже было не нужно, Вера решила навести порядок в доме и на участке, потому что собиралась в субботу позвать на шашлыки Свету с семьей.

Было начало восьмого, вставать не хотелось. Вера нежилась в кровати, лениво размышляя о том, как удивилась бы мама, если бы узнала, что от отцовских родственников, с которыми она прервала всяческое общение, ее дочери достался такой замечательный дом и сад. Интересно все же, что произошло между ними и матерью.

Вере всегда хотелось больше знать об отце и его семье, но мать никогда ни о чем не рассказывала, не делилась воспоминаниями, не показывала семейных архивов. В том, что отец вообще существовал на свете и был женат на ней, Веру убеждали только свадебные фотографии, глубоко запрятанные в дальний ящик стола.

Что за людьми были дед с бабкой, как и почему отец умер таким молодым? Мать упорно обходила эту тему молчанием. Была она женщиной замкнутой, необщительной, даже мрачной. Со свадебных фотографий и снимков ранней юности на Веру смотрела хохочущая жизнерадостная девушка с густой челкой и длинными роскошными волосами. Но такой – легкой, радостной, беззаботной – Вера свою мать не знала.

Всю жизнь Зоя Васильевна Андреева проработала на швейной фабрике. Пришла после училища и получила койко-место в общежитии. Уходила на пенсию мастером, но и тогда продолжала шить и кроить на заказ, потому что запас карман не тянет, лишняя копейка в доме не помешает. Сколько Вера себя помнила, они жили в общежитии швейников на улице Крымской. В той самой комнате, которую с огромным трудом удалось приватизировать, а затем и продать. Чтобы в конечном счете потерять из-за глупой доверчивости Веры.

А ведь мать так гордилась, что ей, детдомовской девчонке, которой никто не помогал, удалось оставить дочке вполне приличное жилье!.. Зоя Васильевна не хотела, чтобы дочь повторила ее судьбу и всю жизнь подрубала подолы, пришивала пуговицы и строчила карманы. Мать мечтала, что девочка получит высшее образование и станет трудиться в тихом, красивом месте, а не в душном цеху.

Вера никогда не отличалась блестящими успехами в учебе, однако на то, чтобы без взяток и блата с первого раза поступить на библиотечный факультет, знаний хватило. Учеба в институте доставляла удовольствие и давалась куда легче, чем в школе, потому что там не было математики, химии и физики. Она на радость маме сдавала сессии без хвостов и в итоге получила диплом без троек. Ей предложили остаться работать в институтской библиотеке, где она проходила практику и подрабатывала летом, и Вера согласилась. Так и проработала больше пяти лет после окончания учебы, и была, по сути, всем довольна. По крайней мере, о смене места работы всерьез не задумывалась.

Кстати, о месте работы. Ездить отсюда в город будет сложновато. Вера работала по графику, неделю через неделю, с восьми до восьми. Добираться придется по два часа – пешком, автобусом до города, потом от автовокзала до института. А обратный путь? Интересно, до какого часа ходят рейсовые автобусы во Владимирское? Или, может, взять в кредит машину?

Ладно, как говорила Скарлетт, подумаем об этом завтра. В конце концов, у нее отпуск! Вера спрыгнула с кровати, босиком побежала на кухню. Теплый деревянный пол словно целовал пятки: так приятно было ступать по нему. Вера мельком глянула в окно, посмотрела на дом Ирины Матвеевны, и подумала: вот кого можно расспросить о родителях и деде с бабкой. Она должна была хорошо их знать. Надо как-нибудь опять напроситься на чаек. К себе приглашать, похоже, бесполезно: Ирина Матвеевна неизменно отказывалась переступать порог дома, выдумывая всевозможные неуклюжие предлоги.

Поставив чайник на плиту, Вера набрала Светкин номер. Та ответила сразу, будто не выпускала телефон из рук.

– Привет, пропащая! – радостно заорала она.

– Привет! – захохотала в ответ Вера и поняла, что страшно соскучилась.

– Что, совсем забыла нас, городских, в своей деревне?

– Замоталась совсем, прости! Но я исправлюсь! Хочу позвать в гости! Шашлыки замутим, баньку затопим – у меня знаешь, какая баня? И сад! Ксюшке будет, где побегать. Приедете?

– А с бумажками как?

– Да нормально все с ними, – отмахнулась Вера, – приедете или нет? В субботу.

– Конечно, раз приглашаешь!

– Витек не будет против?

– Не будет. Я тебе не говорила, он после командировки загудел, не просыхал с субботы до среды. Ему отгула дали, ну и... Сама понимаешь, – в голосе Светы прозвучала едва заметная горечь.

– Сейчас-то остановился? – озабоченно спросила Вера.

– Ясное дело, в четверг же на работу пошел. Теперь не пьет. Ходит как пришибленный, угождает. А, ну его... Когда приезжать?

– Да прямо с утра, Витек поможет баню топить.

– Что привезти? – деловито осведомилась Света.

– Ничего не надо, – попыталась отказаться Вера.

– Как это «не надо»? Не с пустыми же руками ехать на новоселье! И ты вроде только дом получила, а не миллион баксов. Мы тоже поучаствуем! Давай привезем выпивку...

– Так Витек же не пьет!

– Мы с тобой зато пьем! – отрезала Светка. – Я возьму пару бутылочек красного вина, сок куплю, колбасу, сыр. Мангал привезем, он у нас всегда в багажнике болтается. А с тебя шашлыки и овощи, договорились?

– Договорились, – согласилась Вера.

Она подробно объяснила подруге, как ехать в Корчи, Света пообещала приехать к одиннадцати, на том и распрощались. Настроение от общения с подругой стало еще лучше. Вера позавтракала и решила подняться на чердак – она там пока не была. К тому же надо бы в Ковши сходить, купить все к столу. И занавески присмотреть, а то окна голые. Дел полно, начнем, пожалуй, с чердака.

Лестница туда вела из сеней. Вера полезла вверх по скрипучим ступенькам, толкнула дверцу и попала в просторное пустое помещение. Два небольших оконца освещали его слабо, но вполне достаточно, чтобы Вера сумела разглядеть сундук у дальней стены. К нему и направилась, осторожно ступая по полу. Сундук оказался незапертым. Вера откинула тяжелую крышку и ахнула от восторга. Внутри оказались занавески, темные и тюлевые, а на дне – половики и дорожки.

Вера перетащила это богатство вниз. Здесь были комплекты на все окна, дорожки она постелила в спальне и в «зале», а два полосатых коврика – в прихожей и в сенях. Как ни странно, занавески не требовалось стирать, они были в отличном состоянии – выстираны и выглажены. Вера решила просто освежить их, развесив во дворе, а вечером повесить на окна.

Этот дом словно ждал ее. Она давно заметила, что он был не совсем обычным. Взять хотя бы чистоту. За все время, что Вера тут жила, она ни разу не протерла пыль – даже в день приезда! Ее попросту не было. Вообще. Она не скапливалась в углах, на столах и полках, не висела в воздухе, не укутывала серым покрывалом подоконники. Необходимость мыть полы тоже отсутствовала.

Однажды вечером Вера налила себе сладкого чаю с молоком и пошла в «залу» смотреть телевизор. По пути не вписалась в косяк и расплескала содержимое чашки. Решила, что вытрет лужу позже: по телевизору начиналась очередная передача – вечернее ток-шоу. Следя за словесными баталиями на экране, Вера совершенно забыла о липком пятне на полу. А когда передача закончилась, собралась взять тряпку и вытереть его. Но вытирать оказалось нечего – все исчезло. Вера внимательно осмотрела пол, но от сладкой лужицы не осталось и следа. «Куда она могла деться?» – растерянно соображала Вера.

Возможно, дом расположен в каком-то особом, хорошем месте. В мире ведь много непонятного. Она читала, что святая вода не цветет, а на старинные иконы не ложится пыль. Может, и тут нечто подобное – положительная энергетика и все такое?

Разобравшись с занавесками и ковриками, Вера вышла во двор. Обходя заросший сад, порадовалась, что в этом году сможет поесть свои собственные яблоки, малину и вишню. Внезапно она остановилась как вкопанная. Возле одной из трех яблонь в день своего приезда Вера заметила дыру в заборе, которая выглядела словно рот с выбитыми зубами. Теперь ее не было. Доски ровным строем окаймляли участок.

– Наверное, это было возле другой яблони, – неуверенно произнесла Вера. И хотя точно знала, что видела дыру именно здесь, для собственного успокоения обошла весь сад и тщательно осмотрела забор. Никаких дыр в нем не было.

Отремонтировать ограду никто не мог – кому это нужно? Тогда что произошло? Получается, забор починился сам собой, как в сказке. Вера озадаченно потеряла переносицу. Забор отремонтировался, пятно от чая пропало, пыли нет, занавески словно вчера выстирали и выгладили...



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.